

НЕТ РОЗЫ БЕЗ ШИПОВ

Или олигархи тоже плачут

Роза Мительман

Роза Мительман
Нет розы без шипов. Или
олигархи тоже плачут

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34712416

ISBN 9785449300898

Аннотация

Насколько сладка жизнь женщины, которой завидует полгорода? Многие хотели бы оказаться на ее месте, думая, что она родилась сразу с ложкой черной икры во рту. Увы, это не так. В этой книге – вся моя жизнь —от девчонки из советских трущоб до жены почти олигарха. Почему с приходом в дом богатства из него уходят любовь и счастье? Как, стоя на краю обрыва, рассчитать —провалишься или нет? А если провалился, как снова встать на ноги? И можно ли построить новую жизнь, когда тебе за шестьдесят?

Содержание

Шипы и розы	5
Мой ангел-хранитель	9
Мечты советского детства	13
Мои университеты	16
Бабушка – палочка-выручалочка	20
Любовь приходит и уходит...	23
В ожидании счастья	28
Как в брак вступить, а не вляпаться?	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

**Нет розы без шипов
Или олигархи тоже плачут**

Роза Мительман

© Роза Мительман, 2018

ISBN 978-5-4493-0089-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Шипы и розы

– Люди забыли эту истину, – сказал Лис, – но ты не забывай: ты навсегда в ответе за всех, кого приручил. Ты в ответе за твою розу...

... – Знаешь... моя роза... я за нее в ответе. А она такая слабая! И такая простодушная. У нее только и есть что четыре жалких шипа, больше ей нечем защищаться от мира...

*Антуан де Сент-Экзюпери.
Маленький принц*

...Мне 14 лет, я на сцене. Красивая девчонка с большими глазами и копной кудрявых волос. Пою песню и почти не смотрю на зрителей. Весь пионерлагерь на концерте, но я не из стеснительных! Пою от души. Влюбленные мальчишки из первого отряда громко хлопают. Рядом с ними ребята из соседнего лагеря, которые тоже приехали выступать. И среди них один парень – весь концерт не сводит с меня глаз...

«Симпатичный!» – думаю я.

«Она будет моей женой!» – загадывает он...

....Пронесется годы. Почти полвека. Я сижу среди разбросанных фотоальбомов моей памяти и пытаюсь ее убить. Вытряхиваю старые воспоминания вместе со снимками.

Бросаю их, почти не глядя, в корзину. Выкидываю из своей жизни все, чтобы от несправедливости не сойти с ума. Устав от бесконечных измен и обид, пережив развод, не найдя сочувствия у детей, не зная, как начать новую жизнь в мои годы, пытаюсь спастись от несмолкающей боли. И не знаю как...

Захлопываю альбом, открываю интернет и читаю:

*«Один не разберет, чем пахнут розы...
Другой из горьких трав добудет мед...
Кому-то мелочь дашь, навек запомнит...
Кому-то жизнь отдашь, он не поймет...»*

Да, это так! Жизнь отдана непонятно кому и за что. Ли-стаю ленту дальше, и кажется, весь интернет обо мне! А по-том понимаю – просто есть миллионы женщин, которые меч-тали, строили, любили, жертвовали всем и... были растоп-таны. Стараясь сберечь семейный очаг, они годами сжигали в нем себя, свою женскую гордость и свою жизнь.

И я, как растоптанная роза, столько лет пытавшаяся со-брать лепестки и снова жить, наконец-то понимаю – это все! Спектакль закончен, маски сорваны, розы выброшены, актер погорелого театра уехал гастролировать дальше...

Приходят друзья, успокаивают: «Не ты первая не ты по-следняя». Но у меня-то жизнь первая и последняя! Совету-ют: «Начни жизнь с нуля». Если бы с нуля, а не с минуса! Ми-нус 42 года, которые я отдала в никуда, и их не вернешь! Ес-ли бы знать тогда, в 14 лет, что такое случится, что он вытрет о меня ноги, будет изменять, судиться со мной из-за денег и поссорит меня с детьми... Я бы ни за что не пошла с ним танцевать и не подарила бы ему ту самую фотографию...

....С момента развода прошло четыре года. Я не могу не только простить, но даже забыть. А может быть, чтобы за-

быть, надо вспомнить? Все, что было между началом и концом этой истории?

Любую жизнь можно сравнить с книгой. В ней много вопросов, ответы на которые мы получаем только через опыт. А что, если действительно написать книгу? Не унылые воспоминания у потухшего камина, а исповедь женщины, которой надоело быть удобной для всех, и она решила бороться.

У самой нежной домашней розы есть шипы, и когда-то приходится их показывать. Я всегда считала себя слабой. Но если бы это было так, я бы всего этого не вынесла. Я выжила и стала еще сильнее.

Открыв новую главу в книге своей жизни, теперь я хочу пролистать предыдущие.

В первую очередь, я это делаю для себя, а во вторую – для тех, кого не миновала чаша развода, обид и разочарований. Вспоминая какие-то эпизоды своей жизни, я хочу понять, как мы попадаем в эту ловушку и что надо сделать, чтобы прекратить врать себе и окружающим, перестать терпеть и начать бороться. И как черную полосу своей жизни превратить во взлетную! Итак, полетели...

Мой ангел-хранитель

*Вернуть бы тех, кого забрали небеса.
Хоть на минутку, чтоб увидеть лица.
И, посмотрев в давно забытые глаза,
От радости и счастья прослезиться...*

*Вернуть бы тех, кто снится ангелом всегда,
Кто живы в сердце нашем и, конечно,
По ком тоскует так мучительно душа
В своей разлуке долгой, бесконечной.*

Моя мама умерла, когда мне было 12 лет. Похороны были в октябре, и вдруг пошел снег. Он падал на мамино лицо и не таял. Мне было страшно, и я плакала.

Мама два года умирала от рака носоглотки, который изуродовал ее когда-то молодое и красивое лицо до неузнаваемости. До сорока лет она не дожила две недели. Боролась с метастазами, но болезнь победила.

В момент ее смерти нас, троих детей, поставили рядом с ее кроватью. Это был шок. До сих пор не могу понять, почему бабушки посчитали, что мы должны были видеть ее уход. Ря-

дом со мной стояли шестилетняя сестренка и четырнадцатилетний брат. Мы со страхом смотрели на маму. Она умирала в мучениях. Когда началась агония, моя тетка громко закричала, и в этот момент у мамы из глаз покатились слезы. О чем она думала сквозь пелену боли? Наверное, о том, что оставляет навсегда троих маленьких детей, которые никому не нужны. Никогда не забуду эти слезы...

В последний год перед смертью мама боялась нас обнять, приласкать, потому что у нее из носа постоянно шла сукровица, и она закрывала лицо полотенцем. В последние месяцы она не вставала. Из-за метастазов живот ее раздулся как при девятимесячной беременности, приезжали врачи и выкачивали жидкость тазиками. Это было страшное время.

Материнская любовь, ласка, да и вообще детство закончились для меня слишком рано. Говорят, без отца – полсироты, а без матери – вся сирота. После смерти мамы ко мне относились уже как ко взрослой. Больше внимания уделяли шестилетней сестре. Жили очень скромно. Как прокормить и выжить – вот все вопросы. Отцу было не до воспитания и не до нежностей. Может быть, и я выросла не слишком ласковой из-за этого. Но, помня свою детскую боль, я старалась дать своим детям столько любви и заботы, сколько не хватило мне.

Мама – короткий праздник на земле. Сейчас, вспоминая, как трудно ей жилось. Она работала старшей медсестрой в детской больнице. Сутки отдежурит, придет с домой, а ее

трое детей ждут. С нами позаниматься надо, еду приготовить, убрать, в огород побежать. Сажали тогда по двести кустов помидоров, чтобы прокормиться. Даже повидло из них варили. Мама намажет его на черный хлеб – вот и лакомство детям. Тащила на себе все, что могла. Она считала, что семья, дети, дом – все на ней должно быть. Наш отец, был суровым человеком. Воевал, горел в танке, дошел до Венгрии, с войны вернулся с осколком в ноге. Работал конструктором на заводе, 25 лет на одном стуле просидел. Иногда получал какие-то дополнительные деньги за рацпредложения. Особой ласки от него ни мама, ни мы не видели.

Была ли мама счастлива, не знаю. Никто уже не ответит на этот вопрос. Когда прихожу на кладбище, рассказываю ей про себя. Мне кажется, она меня слышит и оберегает. В самые тяжелые моменты жизни я вспоминаю маму и чувствую всем сердцем, что она оградит меня от зла. Так и происходит. Она – мой ангел-хранитель.

Мечты советского детства

*Даже если раны детства заживают,
ранимость никогда не проходит.*

Марио Пьюзо

Самое яркое впечатление детства – золотая свадьба бабушки и дедушки. Мне шесть лет и я с восторгом смотрю на большой накрытый стол в коридоре общежития. Напекли пирогов, назвали гостей. Все радуются и кричат «Горько!». 50 лет вместе и живы-здоровы. Перенесли все тяготы войны.

Над головой мирное небо. И я думаю, как здорово дожить до старости и так любить друг друга. Мечтаю о том, какая семья будет у меня – большая, любящая и радостная! Как мы доживем до золотой свадьбы, и нам дети и внуки будут кричать «Горько!». А рядом со мной будет сидеть муж, который оценит совместно прожитые годы и поблагодарит.

Об этом же мечтаю, когда я ючусь у бабушки на старом сундуке с приставленными табуретками. В 12 лет мне пришлось стать взрослой. После смерти мамы отец быстро женился. Мачеха работала врачом в маминой больнице, и, оказывается, знала отца еще до его женитьбы. Обиделась когда-то, что он выбрал маму. А мы ей напоминали об этой обиде. Своих детей у нее к 42 годам не было, а нас она так и не полюбила. Любимое ее выражение «Мы никому ничего не должны!». Обидит нас, придешь жаловаться к папе, а он: «Как Вера скажет, так и будет!». После нескольких ссор меня и забрала к себе бабушка на сундук. Сама жила в хрущевке в комнате с дочерью, но меня взяла.

Не смотря на все, вспоминаю детство с улыбкой. Жизнь советских детей проходила на улице – во дворах. Бегали, дружили, боялись, что «загонят домой». На все лето было два ситцевых платья. Одно в стирке, другое на тебе. Сандалики сотрут за лето, нога вырастет. Отец вырежет дырку для пальцев, приклеит картонку на стельку, и снова бегаешь. На улице сидели бабки, отлавливали внуков и «вшей колодили».

Горячей воды в квартирах не было. Зимой отец ее как-то из батарей сливал, и нас купали в этой щелочной воде. А в основном все ходили раз в неделю в общественную баню.

Дом наш был двухэтажный барачного типа, одни коммуналки. Все конечно мечтали об отдельном жилье. Помню, на нашей площадке жил мужчина, у которого был туберкулез. Ему дали отдельную квартиру, и все ему завидовали. Потом он умер.

В садик меня не водили, не было денег. Только на полгода перед самой школой меня туда привели. Это был восторг, потому что нас несколько раз в день кормили: первое, второе и компот. И даже добавки могли дать. Я была готова там все съесть! И мечтала, что когда-нибудь настанут времена, когда можно будет есть все, что захочешь. Но пока кусок белого хлеба с маслом и сахаром – был пределом мечтаний. Пирожное моего детства.

Помню еще, рядом с домом был булочный магазин. Пока донесешь хлеб, объешь все корки. Получаешь подзатыльник. Я думала, вырасту, пойду работать, выйду замуж и будет у меня дом полной чашей, и мои дети никогда не будут голодать.

Мои университеты

*«Я женских слов люблю родник
и женских мыслей хоророды,
поскольку мы умны от книг
а бабы – прямо от природы.»*

И. Губерман

Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что много было мне дано от природы. Таланты, которые в силу обстоятельств моего детства, не нашли развития.

Абсолютный слух и музыкальные способности были обнаружены в ранние годы. Старшему брату кто-то из знакомых подарил скрипку, и я пошла с ним в музыкальную школу. Прослушали и меня. Его не взяли, а меня сразу приняли. Но денег на мое обучение в музыкальной школе у семьи не было. Я была средней из троих детей, и все мне доставалось по среднему классу. Мое предназначение было не развивать таланты, а выйти замуж и создать семью.

Потом обнаружили прекрасные голосовые данные. Помню, дежурила по классу, мыла полы и пела. Два раза приходили с других этажей, чтобы посмотреть, кто так красиво поет. А я под парту пряталась, стеснялась. Меня все же взяли в школьный хор, в котором я и стала солировать. Участвовала в конкурсах, занимала призовые места. Выступала на раз-

ных концертах. На одном из них, в пионерском лагере, меня и присмотрел мой будущий муж. Ему как раз слуха и голоса не хватало. Потом на вечеринках часто вытягивала песню за него. Но в детстве до моих талантов никому не было дела.

Уже в 61 год, когда я пошла заниматься в спортзал и через три года села на шпагат, тренер во мне открыла еще один талант – природную гибкость. Она сказала, что с такими уникальными природными данными девочек отдадут в гимнастику или балет... Ну, а мне пришлось просто быть гибкой по жизни, чтобы сохранять семью. Да и то, как оказалось, зря.

Вот так не получилось из меня скрипачки, певицы, гимнастки и балерины. Время было такое, не до талантов. Мачеха ждала, когда я уже пойду работать. Да и обстоятельства так сложились. Когда отец женился на ней, мы переехали ближе к центру. Рядом была «элитная» по тем временам школа. Меня в нее отдали. Девочки в классе были нарядные, из обеспеченных семей. Их родители ходили в школу, делали учителям подарки. А я, еврейская девочка-полусирота из нищей семьи, в пальто, перешитом из мамино старого. Заикнулась было отцу, что хочу выглядеть не хуже одноклассниц, но он ответил «Все сложно». Никто обо мне не беспокоился, в школу не ходил. Помню, чувствовала себя очень неудобно. В прошлой школе училась на пятерки, была активной пионеркой, а тут стала тройки хватать. Мачеха ругалась. В конце концов, забрали меня из школы и отдали в культпросветучилище на библиотечный факультет, потому что любила читать. Но при бойком характере кропотливое библиотечное дело оказалось не моим. Да и надо было по-

скорее пойти работать, чтобы никого не обременять и не слушать попреков.

Перешла в вечернюю школу. Стала искать работу. До 18 лет тогда никуда не брали. В 17 лет удалось только устроиться в парикмахерскую «Руслан и Людмила» ученицей мастера маникюра. Когда отец узнал об этом, сказал: «Ты будешь проституткой!». Почему-то ему так казалось, может потому что в парикмахерских работали женщины с прической и макияжем, а это в те времена не приветствовалось? Было обидно, но мне к обидам не привыкать. Главное – свершилось – я наконец-то смогла зарабатывать сама, чтобы бабушке было полегче. Позже выучилась на парикмахера, что дало мне возможность содержать уже свою собственную семью: мужа-студента и детей. Потом училась в техникуме на бухгалтера. Считать семейный бюджет я умела, зачеты по высшей математике получала автоматом. Муж мой тем временем учился в институте, выступал в самодеятельности, пел, сочинял стихи. А материальные вопросы лежали на мне. Говорят, жизнь – это университет, в которой факультет каждый выбирает сам.

С 19 лет на мне уже была моя собственная семья. Так закончились мои университеты.

Бабушка – палочка-выручалочка

Хорошие ноги рано или поздно начнут спотыкаться, гордая спина согнется, волосы станут седыми, красивое лицо покроется морщинами, и только доброе сердце, подобно солнцу, никогда не меняется и будет всегда нести теплоту.

Бабушка по линии мамы меня очень любила, всегда жалела. Единственная моя палочка-выручалочка. Дедушка – трудяга, работал на заводе в Горьком, потом переехал в Челябинск. Бабушка домохозяйка. Четверо детей. Мама по-

следняя, любимица. Когда она заболела, бабушка возила ее в Москву на облечение, делала все возможное и невозможное, чтобы спасти. Но не смогла спасти дочь.

Когда бабушка поняла, что мачеха меня не любит, забрала к себе. Самый теплый человек в моей жизни, она вложила в меня все, что могла. С детками помогала. Показывала, как их пеленать, купать, выхаживать. Бабушка для меня была всем. Заменяла мне маму, да и отца тоже.

Мачеху же я раздражала. И это было хуже бедности. Она вообще ревновала отца к нам, детям, и старалась поссорить его с нами. Обида до сих пор во мне живет...

*Ветер жизни иногда свиреп
В целом жизнь, однако, хороша
И не страшно, когда черный хлеб,
Страшно, когда черная душа.*

Бабушка, наоборот, баловала меня, в силу своих скудных возможностей. Пекла «тертый пирог»: слой теста, потом повидло и натертое тесто сверху. Я была очень худой и часто болела ангинами. Бабушка купит лимоны, прокрутит их с сахаром и дает мне по ложечке. И помогало! А чтобы я хоть немного поправилась, смешивала масло с какао-порошком. Получалось лакомство – «шоколадное масло».

Но это было редко. Питались плохо. Покупали обрезные помидоры, подгнившие яблоки, самую мелкую картошку. Иногда «синюю» курицу за 1 рубль 5 копеек. Позже, живя

с мужем, я могла из ничего сварить обед. Жизнь научила.

Когда я уже пошла работать, бабушка все равно меня кормила. На 15 рублей в месяц. Заработанные мной деньги оставляла мне, говорила, «Розочка, ты должна хорошо выглядеть, одеваться».

Вторая бабушка, мать отца, тоже старалась помочь. Помню, и она волновалась в детстве, что мне нечего надеть. Хотелось свою внучку нарядить, а денег не было. Чтобы я могла «выйти в свет», бабушка возьмет свое платье и перешьет мне из него «новую» вещь. Колготки 7 руб.70 коп. стоили. Ее сын, брат моего отца, ей давал 10 рублей, чтобы она хорошо питалась. А она мне их тихонько отдаст: «Роза, купи себе колготки. Девочка не должна ходить в заштопанных колготках». Бабушка мне и моего будущего мужа насватала. Говорила: «Роза, смотри, какой мальчик хороший. Он в таких чистых носочках»...

Когда вспоминаю о своих бабулях, слезы наворачиваются. Всегда была им благодарна за их тепло. Со временем я и сама стала «сумасшедшей бабушкой», любила внуков, баловала, отдавала им всю себя. Но только благодарности не получила.

Любовь приходит и уходит...

*Я понимаю, как смешно,
Искать в глазах ответ,
В глазах, которым всё равно
Я рядом или нет.*

Владимир Высоцкий

Я принадлежу к той устаревшей породе людей, которые к любви относятся серьезно. Верила в любовь, настоящую, искреннюю, без обмана и предательства. Но получила все с точностью до наоборот. Любовь приходила ко мне постепенно, а ушла внезапно. Я так сильно любила и верила в своего мужа, что прощала то, что не должна была. Пока не поняла, что любить его уже просто не за что. Теперь я не верю ни в мужа, ни в любовь. Но помню, как все начиналось...

Меня отправили на Тургояк в пионерский лагерь. 14-летняя, симпатичная, бойкая, певунья – мальчишки за мной бегали. Особенно, помню, сын начальника пионерлагеря, проходу не давал. Но я была неприступна. Поэтому, когда парень, приехавший с концертом из соседнего лагеря, пригласил меня танцевать, мои поклонники даже решили его побить. Он не сдавался и продолжал ухаживать за мной. Оказалось, что еще на концерте в пионерлагере, когда парень впервые увидел меня, сказал себе: «Она будет моей женой». Не знаю почему, я подарила ему свою фотографию. Экономил на завтраках и приезжал раз в неделю из своего маленького городка, чтобы встретиться. Парень мне нравился, но особого внимания я на него не обращала. В какой-то момент он даже решил отступить и написал мне прощальные стихи:

Не все цветы бывают так красивы

*Бывают и обманчивы цветы,
А есть цветы, что хуже и крапивы.
Ужели из таких и ты?*

Но наш роман продолжался. Парень сочинял для меня стихи, пел песни, красиво ухаживал, очаровывал мою бабушку... Постепенно сердце мое таяло, и я не заметила, как оно стало принадлежать ему одному. Мне было 17 лет. Многие за мной ухаживали, но даже до поцелуев не доходило. Помню, один знакомый мальчик с семьей уезжал в Америку и звал замуж. Но у меня уже был любимый, мой будущий муж. А я по жизни однолюб. Кто тогда знал, что из романтического мальчика вырастет циничный сердцеед, который будет использовать стихи, написанные мне, для соблазнения своих многочисленных любовниц? Никто.

Удивительно, что и через 20 лет после нашего знакомства, уже не раз предав любовь, он продолжал посвящать мне свои стихи:

*И вместе, вместе, вместе —
Пусть будет лейтмотивом.
И милый, милый, милый —
Пусть губы говорят.
Поверь, что для меня ты
Не только лишь красива,
А ты прекрасней самых
Красивых во сто крат.*

*Ты скажешь: я не верю,
Все позади, не надо.
Но, милая, прошу я:
Рубить ты не спеши.
Все будет, повторяю,
И это не бравада,
В стихах не лгут, поверь мне, —
Стихи не любят лжи...*

Может быть, стихи и не любят лжи, но мой муж врал всю жизнь – мне, друзьям, коллегам, любовницам и, конечно же, народу, когда стал политиком.

Но тогда, в свои 18 лет, я этого представить не могла. Намучившись без материнской любви и ласки, я млела от нежных признаний своего жениха, и постепенно наши отношения стали более близкими.

Мы собирались пожениться, он даже советовался со мной, куда ему поступать – в политехнический или в театральный. Мне так хотелось простого человеческого счастья, той крепкой и благополучной семьи, о которой я мечтала с детства, что я сказала: «Мне артист не нужен. Поступай в политехнический». Он поступил, и не пожалел. Не раз говорил потом «Если бы не Роза, я бы ничего не добился в жизни».

Когда я узнала, что беременна, поспешила обрадовать жениха, но встретила жесткий отпор: «Если не сделаешь аборт, я на тебе не женюсь!» Это был шок. В те годы забеременеть без мужа было ужасным позором. Как я могла признаться

в этом бабушке, которая столько старалась, чтобы я выросла хорошей девочкой? А если он действительно не женится? Мысли путались, сердце сжималось, сон уходил прочь... Решилась на аборт. В те времена это было настоящее испытание, потому что наркоз и обезболивающие не полагались. Драли на живую, врач матерился, чтобы не кричала. Такая боль и унижение – вспомнить страшно! Переночевала, а утром побежала на работу, чтобы никто не догадался... Стали готовиться к свадьбе.

В ожидании счастья

*Хочу я быть невестой,
красивой, завитой,
под белую навесной
застенчивой фатой.
Чтоб вздрагивали руки
в колечках ледяных,
чтобы сходились рюмки
во здравье молодых.*

Белла Ахмадулина

Свадьба была студенческая. Все собрали по 7 рублей и за-

казали кафе на Радиозаводе. В этот день там гуляли три свадьбы на трех этажах. Но в конце вечера уже все гости перепутались. В общем, было весело.

Жених из самодеятельности, так что позвал музыкантов, да и сам гостей развлекал. Он – студент третьего курса политехнического, я училась в техникуме на бухгалтера и работала. Говорят, сделай женщине предложение, всё остальное она сделает сама. Купила ему на свадьбу костюм в кредит, потом полгода выплачивала. Кольцо он мне тоже не покупал. Переплавили из дедушкиного.

В ЗАГСе был плохой знак – жених подставил мне левую руку и я надела ему кольцо. Заметил его друг, подбежал, исправил. Фату я взяла на прокат. Свадебное платье купила у подружки. Туфли «достала» по пригластительному в салоне для новобрачных. Во времена советского дефицита была возможность купить красивую обувь, предъявив справку о подаче заявления в ЗАГС. Помню, салон назывался «Счастье». Но принесли ли свадебные туфли счастье мне? В тот момент казалось, да!

Как поется в бардовской песенке:

*День, один лишь день тебе послужит
Это платье белое твоё...
Пена стирок сменит пену кружев —
Распашонки... скатерти... бельё...*

Быт меня совершенно не пугал! Я с детства мечтала о се-

мейной жизни, знала, что она полна труда и была к этому совершенно готова. Главное, что мы были молоды, любили друг друга, и впереди была целая жизнь!

Что я ждала от семьи? Какой я себе ее представляла? Мне казалось, что семья – это такое уютное место, где можно просто быть собой, как в детстве. Где муж нахваливает мой борщ, а я вдохновленная, придумываю, какой я завтра испеку пирог. Где прощают, обнимают и зацеловывают обиды. Где люди не врут. Где друг за друга стеной, даже если весь мир против. Где царит обоюдное тепло и забота. И бабушка меня учила: семья – там, где муж законный, дети желанные и любовь безграничная.

Унижение первого аборта как-то рассеялось за мыслями о грядущем семейном счастье. Я была уверена, что в нашей семье будет тепло и добро. Ведь мы оба из неполных семей: у меня мачеха, у него отчим. Оба недолюбленные в детстве. Обоим жилось не сладко, поэтому для своих детей хотелось другой судьбы: полной семьи, внимания, заботы и достатка. Но я ошиблась, оказалось, это были только мои мечты. Мой муж не стал верным и надежным спутником. Нежность оказалась лживой. А детей он вообще не хотел, я их у него просто выпрашивала. Сама готова была воспитать хоть десятых. Выпросила лишь двоих и то «по жизненным показаниям», когда врач отказывался делать аборт. А их я сделала девять штук.

Думаю, таким как мой бывший, вообще жениться не надо.

Мне казалось, что свадьба – конец всем моим испытаниям,
но оказалось, это только начало...

Как в брак вступить, а не вляпаться?

*Кольцо на палец, в паспорт штамп
Гарантий ведь совсем не даст,
Что он потом вас не предаст
И не прильнёт к иным «бортам».*

Н. Симолян

Через месяц после свадьбы я забеременела во второй раз. И снова, как оказалось, не вовремя. Но аборт делать было слишком опасно, поэтому пришлось моему мужу готовиться стать отцом.

Беременность протекала сложно. Врач сказала, не выносишь этого ребенка, больше детей не будет. Постоянно была угроза выкидыша и анемия. Бросила техникум, но работать стала вдвое больше. На машинно-счетной фабрике трудилась бухгалтером, а в обеденный перерыв делала маникюр кому-нибудь. Дадут 50 копеек, я сразу в столовую, беру молочный суп и котлету, чтобы ребенок не страдал от моего малокровия. Но анемия была такой, что перед родами меня положили в больницу, чтобы сделать переливание крови, боялись, что откроется кровотечение, и я не выживу.

Слава Богу, все обошлось, дочка родилась здоровенькой. Вернулись домой. Вместо кровати было корыто. Сначала купали в нем, потом его застлали и превращали в кровать. Мачеха с отцом у кого-то купили коляску, можно было гулять с дочкой. Счастье меня переполняло!

После родов никто с меня трудовую повинность не снимал. Муж студент, да еще общественник – поет-танцует. Время на подработку у него редко появлялось. А я стала сцеживать молоко и сдавать. 1 литр в день – это 2 рубля. Муж мне говорил: «Давай удои повышай!», и я вправду сидела, пила чай горячий, чтобы молока было больше.

Детей я рожала для себя, но делала все, чтобы отец их

полюбил. Женщина это может. Помню, когда родилась дочь, муж даже подработал где-то грузчиком и купил мне колечко. Я чуть в обморок не упала от счастья!

Жили то у бабушки, то у отца с мачехой. Мой отец был конструктором, помогал зятю чертежи делать к диплому. Рос ребенок, надо было что-то решать с квартирой. Муж окончил институт, и мы поехали в его родной город Миасс. Жили там год у его дедушки в кооперативной квартире, за которую надо было платить 20 руб. Зарплата инженера – 100 руб. Дочь отдали в садик, но она плохо ела. Я пошла работать подменной воспитательницей, а потом и уборщицей в садик, следила за тем, чтобы она ела. Дома едва концы с концами сводили. Но спасал рынок. Штопала детские колготки и бежала продавать, чтобы купить молока дочери.

Через год я так устала от этой жизни, что запросилась в Челябинск. Нашли обмен, переехали в «однушку» на окраине города. Судьба, видно, сделала меня очень плодовитой, чтобы я родила много детей, потому что я беременела «от одного взгляда». Второго ребенка так скоро не планировали, но муж меня не берег. Женских способов предохранения тогда не было, приходилось делать аборт. После очередной операции врач сказал, что на следующей могу умереть. Я испугалась, что маленькая дочь останется без матери, как я когда-то. Так у нас появился второй ребенок, снова вопреки желанию мужа. Беременность была сложной, но приходилось работать без всяких поблажек. А когда пошла в декрет,

муж меня стал к себе на завод через дыру в заборе проводить, чтобы я маникюр его сотрудницам делала, деньги зарабатывала. Еле пролезала в дыру со своим животом. Но муж заботился, чтобы я без работы не сидела. Заглядывал в кабинет и спрашивал: «Тебе еще клиентку привести, ты почему простаиваешь?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.